

Анна Долгарева
Родилась в 1988 году
в г. Харькове (СССР).
Детство прошло в Белго-
родской области. Окончила
Харьковский национальный
университет по специаль-
ности «неорганическая
химия», Луганский государ-
ственный университет имени
В.Н. Даля по специальности
«политология», Институт
прикладной психологии
в социальной сфере
по специальности «прантиче-
ский психолог». Журналист.
Лауреат Григорьевской
премии (2019), Волошинского
конкурса (2022), VIII Между-
народного литератур-
ного фестиваля-конкурса
«Русский Гофман — 2023»,
победитель VIII Всероссий-
ского фестиваля молодой
поэзии имени Леонида Фила-
това «Филатов Фест» (2022),
лауреат Международной
премии имени А.И. Левитова
(2021), победитель VII Между-
народного поэтического
конкурса «45-й калибр»
(2019). Член Союза писателей
России.

* * *

Это желтым тревожным закатом
Наполняется отсвет и звук.
Я жила между «здесь» и «когда-то»,
А теперь я нигде не живу.

Только в Ладоги белых ладонях,
Что округлые камни таят,
Только в черных обломках придонных
Невеселая доля моя.

Человек, что спускается в сумрак,
Оставляет фамилию, тень,
Паспорт, обувь, дорожную сумку
И становится пыль и метель.

Это страшное чувство свободы
Под сиянием первой звезды,
Леденящие темные воды,
Бесконечные русские льды.

И теперь я безмолвна, подледна,
Словно рыба, что дремлет у дна,
Обеззвучена и первородна,
Недвижима, гладка и черна.

* * *

в русском поле растет одолень-трава,
одолень-трава.
постели мне постель, спой мне песню про ямщика,
уложи меня спать-забывать,
грудь в крестах, в кустах – голова,
мертвой воды налей в граненый стакан.

в русском поле растет одолень-трава,
выше пояса плещется одолень-трава.
ничего не страшно отныне мне;
на губах моих – ржа, я дую в дуду,
по земле раскисшей иду-пойду;
много белых грибов уродилось в этом году,
говорила бабка, – это к войне.

в русском поле растет одолень-трава,
хорони меня в одолень-траве,
мертвая вода течет в головах,
черноземом становится человек.
забывай меня, забывай меня, забывай.
в русском поле растет одолень-трава.

* * *

А на Сретенье снег полетел волною,
Да такой пушистый, такой огромный,
Словно не решает ничто земное,
Словно кошка тянется спинкой томной,

Словно мне четыре, в тяжелой шубе
Я смотрю на лучи фонаря живые,
Словно бабушка еще живая и любит
Поиграть в лото, посмотреть «Марию».

Я стою без шапки в России где-то,
Например вот, где-нибудь под Рязанью,
И лохмотья снега в столбиках света
Медленно спускаются осознанием.

И как будто я все сейчас понимаю,
И как будто смерть отвернула морду,
И как будто смеется бабушка Майя,
Потому что Бог живых, а не мертвых.

* * *

А птица летела, и под кожей у нее текли реки,
Черная река, Гремячая река, да прочие безо счета.
Да пятна озер проступали на крыльях пегих,
Да холмы и долины, как те, что под сенью ее полета.

Летела она, да так она говорила:
«Пой, мое горло, молчавшее от беды горло,
Пойте, синие ели, пойте, дворы да могилы,
Пой, опрокинутый в озеро город».

Проступали вереск да черника у нее в перьях,
Оживали деревни под ее полетом.
Старик выходил на крыльцо, хлопнув тяжелой дверью,
Смотрел высоко, напевал забытое что-то.

И пела-говорила птица на языке поднебесном,
И были заросшие малиной дорожки – ее жилы.
И больше никогда не кончилась ее песня.
Слово-то какое – никогда – вовсе непостижимо.